

Кто верует, что Бог посылает жатву, тот доволен всякой жатвой. Тот терпелив, кто верует, что страдания приходят от Бога.

Тот получает помощь во всех духовных нуждах, кто верует, что священник может властью Божией прощать грехи и что Христос присутствует в таинстве причащения.

в) Со смирением. Как велико было смирение сотника! Если мы хотим получить помощь в телесных нуждах, отпущение во грехах, укрепление в добре, то должны смиряться.

Тема VII.

Что заключает в себе мысль: я подвластный человек (ст. 9)?

1. Я имею жребий в общем наследии заблуждений, недостатков и греха.
2. Но также — в мудрости и силе, в высоте и превосходстве, до которых может достигнуть человек.

“Услышав сие, Иисус удивился и сказал идушим за Ним: истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры” (ст. 10)!

Здесь, обращая внимание на то, что Иисус Христос хвалит перед всеми веру сотника, хотя он был язычник, и желает помочь ему в нужде, хотя он не принадлежал к числу израильтян, — проповедник может говорить о том, что —

Христианин должен быть свободен от предрассудков.

1. Что значит быть свободным от предрассудков?

- а) Принимать истину, от кого бы она ни исходила.
- б) Ценить добро, в чем бы оно ни проявлялось.
- в) Быть готовым на помощь всякому, кто бы он ни был.

2. Почему это составляет наш долг?

- а) Иначе мы находимся под влиянием тьмы и греха.
- б) Освобождаясь от предрассудков, мы умножаем радости жизни и уничтожаем причины многих огорчений и неудовольствий.
- в) Наша любовь к Богу и ближним требует этого.

II. Апостольское чтение.

Зачало (93): Святого Апостола Павла послание к Римлянам 6:18-23.

18 Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности.

19 Говорю по рассуждению человеческому, ради немощи плоти вашей. Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на дела незаконные, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на дела святые.

20 Ибо, когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности.

21 Какой же плод вы имели тогда? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь, потому что конец их — смерть.

22 Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец — жизнь вечная.

23 Ибо возмездие за грех — смерть, а дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем.

Практический очерк содержания рядового чтения.

В апостольском чтении этой недели предлагаются побуждения к благочестию и к отвращению от порока. Эти побуждения вытекают:

- 1) из того, что через служение греху более и более возрастает нравственная порча (ст. 18. 19);
- 2) из унижительного рабства под властью греха (ст. 20);
- 3) из противоположных следствий, какими сопровождается служение греху и служение добродетели (ст. 21-23).

1. Сильно возрастающее, через служение греху, нравственное растление служит для нас первым побуждением к благочестию.

“Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности” (ст. 18). Я говорю вам так, замечает здесь Апостол, *“по рассуждению человеческому”* (ἀνθρώπινον), обыкновенным и общепонятным языком, желая яснее приблизить к вашему немощному разумению свойство христианской правды и святости. Почему же мы должны поработиться добродетели и освободиться от порока? *“Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на дела беззаконные, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на дела святые”* (ст. 19).

Прежде, когда вы служили греху, ваши члены были рабами нечистоты: таково, действительно, и есть состояние всех закоснелых грешников. Грешник есть раб нечистоты, нечистых и постыдных похотей; над ним господствуют пожелания, боящиеся света; им управляют намерения и стремления, противные духу Христову. Овладеваясь и управляясь такими нечистыми похотями, как раб своим господином, он *“предавал ... члены ... в рабы нечистоте и беззаконию;”* он злоупотребляет всем своим телом, обращая его в орудие низких страстей; его члены должны служить ему для удовлетворения его греховных похотей, для исполнения его безумных намерений и предприятий; его око взирает с завистью и недоброжелательством на благополучие ближних; его нога носит его по широкому пути нечестия; его рука посягает на чужое добро; его язык должен лгать или льстить, проклинать или клясться. Так все члены грешника должны служить ему, коль скоро он сам становится рабом греха!

Прежде вы, говорит апостол, предавались *“беззаконию на дела беззаконные”* (τῇ ανομία εἰς τὴν ανομίαν), переходили от одной неправды к другой, раболепствовали всяким беззаконным и нечистым пожеланиям, презирали всякий божественный и человеческий порядок, попирали ногами все, что праведно и благочестно перед Богом и людьми, — и вот непосредственным следствием такого безнравственного поведения вашего было то, что вы переходили от беззакония к беззаконию, что ваше нравственное растление все более усиливалось и возрастало с ужасной быстротой. Путь грешника всегда стремителен; с каждым шагом вперед его поступь ускоряется, его греховный груз увеличивается и становится неизбежнее и страшнее погибель, которую он готовит себе.

Саул и Иуда предатель представляют разительные примеры того, как нравственное падение грешника возрастает с каждой неправдой и беззаконием! Все те, которые ныне составляют отребье гражданского общества, которые теперь всю жизнь проводят в тюрьмах и исправительных заведениях, поскольку рука правосудия наконец настигла их, — все эти люди были некогда не до такой степени испорчены, они были не хуже всех нас. Но так как они предались *“нечистоте и беззаконию на дела беззаконные,”* так как они пренебрегли всякими предостережениями и уроками, презрели внушения совести,

отвергли увещания родителей, воспитателей и учителей, не вняли обличению Духа Божьего — то и погрязли совершенно в тине нечестия. Это возрастающее с каждым грехом нравственное рабство служит для нас сильнейшим побуждением, чтобы без замедления сложить с себя всякое рабство греха и подчиниться добродетели; ибо кто осмелится утверждать, что мы во всякое время будем в состоянии расстаться совершенно с таким рабством? Не труднее ли исправить дерево, глубоко и твердо укоренившееся, чем юный, незрелый отросток? Отсроченная добродетель не становится ли труднее с каждым днем, вследствие преобладающей силы греха, овладевшего сердцем? Не часто ли похищает смерть легкомысленного грешника, отлагающего свое покаяние? Поэтому и справедливость, и долг, и благоразумие требуют, чтобы *“вы освободились от греха и стали рабами Богу.”*

Как нераскаянный грешник предает свои члены в служение нечистоте и беззаконию *“на дела беззаконные,”* так покаявшиеся грешники *“представьте члены ваши в рабы праведности на дела святые”* (ст. 19). Раскаяние, начавшееся в сердце, проявляется наружно — в том, что члены употребляются только в орудие правды или добродетели. Следствия такого поведения совершенно противоположны состоянию людей нераскаянных, — именно: *“праведность на дела святые”* или большее и крепчайшее возрастание и пруспевание в святости и благочестии служит необходимым следствием искреннего раскаяния и обращения к Богу. Как из зерна, посеянного в земле, сначала возникает зеленый отросток, потом стебель, далее колос и, наконец, в колосе плод — так и нравственное развитие и возрастание в добродетель происходит мало по малу и, при помощи света и теплоты благодати Божией, человек достигает святости или святости. Прежние грехи быстро изглаживаются, нравственное повреждение совершенно врачует.

2. Второе побуждение к благочестию заключается в том, что слугитель греха находится в постыдном и унижительном греховном рабстве.

“Когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности,” говорит Апостол (ст. 20). Раб греха во всех своих делах и предприятиях не обращает никакого внимания на правду — на то, что праведно и благочестно перед Богом; святой закон Божий не служит руководством для его поступков; о воле Божьей, обетованиях и угрозах он не спрашивает; им руководят другие побуждения, его волей и поступками управляют иные пожелания; он спрашивает только о том, что внушает ему его выгода, самолюбие, честолюбие и страсть к удовольствиям; из самых нечистых источников исходит образ мыслей и поступков человека нераскаянного и его рабство греху обнаруживается особенно в том, что он предпринимает многое против своего одобрения, что его страсти пленяют его ум и одерживают перевес над его лучшими убеждениями: он совершенно свободен от правды.

Такое жалкое рабство греху, при всем своем ничтожестве, кажется, однако же, для закоснелого грешника свободой — да, он свободен, но как блудный сын, освободившийся из-под мудрого и благого руководства своего Отца; он свободен, как убийца или преступник, который преследуется мечом правосудия. Истинная свобода находится только в пределах закона, и высочайшая свобода состоит во всецелой преданности Богу. Рабством, напротив, должна быть названа необузданность, издевающаяся над всеми постановлениями закона, и постыднейшим рабством — то, когда человек попирает ногами предписания Божественного закона. Рабство под грехом в высшей степени тягостно и бесчестно — только иго Христова благо и бремя Его легко. Цепи греха, казавшиеся в начале легкими, скоро превращаются в страшное бремя и, чем тягостнее это постыдное

иго, тем необходимее для грешника подумать о сложении греховного рабства и, освободившись от него при помощи благодати, “поработитися правде или Богу” (ст. 22). Рабы правды или рабы Божии суть все те, которые служат одному Богу и от Него одного зависят; Его воля — их воля, Его заповедь — их правило, пример Христа — их образец. Кто так поступает, тот достигает истинной и блаженной свободы. Это, соединенное с истинной свободой, блаженство и это, напротив, соединенное с рабством греху, бесчестие и погибель — должны служить для каждого грешника убедительным увещанием к благочестию.

3. Совершенно противоположные следствия или плоды состояния людей нераскаянных и покаявшихся служат, наконец, третьим сильнейшим побуждением к благочестию.

Когда вы были еще рабами греха и жили в состоянии жалкой и обманчивой — “дела, каких ныне сами стыдитесь, потому что конец их смерть,” спрашивает далее апостол (ст. 21). Вспомни, покаявшийся грешник, твое прежнее рабство под грехом: что тогда было с тобой? Какая была твоя награда, твоя радость и слава? Грешники вообще, для которых сладострастие, или пьянство, или мамона, или чревоугодие, или другая какая-либо страсть служит богом, обыкновенно ищут своей славы в постыдных деяниях, хвалятся своей злобой, тщеславятся своим сумасбродством, радуются своей неправде; самый развратный между грешниками считается самым лучшим. Несчастное ослепление, опасное самообольщение! И так как они ходят во тьме, то и не замечают стыда своей собственной жизни. Но едва только свет Евангелия озарит тьму некогда помраченного сердца, — грешники замечают свои грехи, приходят от них в ужас, чувствуют стыд и тоску. Тогда самый усердный раб греха начинает стыдиться образумливаться, каяться.

Как радовался некогда Савл и какую находил он для себя славу в преследовании Христа и христиан! Но, по обращении своем, он приходил в глубокое негодование и стыд при одной мысли о своем прежнем заблуждении и ослеплении. Все, что некогда было вашей честью, а ныне составляет ваш стыд и отвращение, — все то оканчивается смертью: “конец их — смерть” (ст. 21). Смерть, всевозможные бедствия для тела и души в этом и в другом мире, беспокойство и страх, осуждение и погибель, — вот плод служения греху, вот последняя кончина, постигающая нераскаянного грешника. Бывает, что грех остается ненаказанным, но только до времени — если не постигнет грешника наказание еще в этой жизни, то есть другая жизнь, по ту сторону гроба, где мы должны явиться перед судилищем Христовым, где воздастся каждому по делам его, где гнев и ярость, скорбь и теснота постигнут души всех творящих злое, держащих истину в неправде и неповиновавшихся правде Божией. В этой плачевной кончине греха заключается для каждого раба греха сильнейшее побуждение к добродетели; ибо каждый хочет быть блаженным, но блаженство без благочестия невозможно; его достигают только посредством преуспеяния в делах святых.

Насколько ужасны и горьки плоды греха, настолько, напротив, приятны и сладостны плоды добродетели и святости. “Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец — жизнь вечная” (ст. 22). По обращении к Иисусу Христу следует прежде всего возрастание в добродетели и святости: сердце делается чище, воля все более направляется к добру, дурные мысли возникают реже и подавляются легче. Кончина такого, неуклонно продолжающегося, преуспеяния в благочестии есть жизнь вечная, по своему началу — уже здесь, по своему исполнению — в другом мире. Благочестивая душа обладает спасительным

предвкушением небесного блаженства, а со временем — в вечности будет наслаждаться им действительно и совершенно. Еще раз повторяет апостол то, что сказал прежде о различных следствиях рабства греха и служения добродетели: *“возмездие за грех — смерть”* (ст. 23); грех обещает своим рабам счастье и благоденствие в награду, но он лжет и обманывает их в обещанной награде, вместо которой он обрекает их на смерть, временную и вечную.

Но *“дар Божий — жизнь вечная”* (ст. 23); вечное блаженство есть дар благодати, который раздается Богом, но однако же получение его соединено с условием — с принесением плодов святости и благочестия. Добродетельным должен быть тот, кто желает получить блаженство; и самая совершенная добродетель не должна превозноситься своими заслугами и ожидать себе награды как бы по праву. Ибо, хотя бы мы исполнили все, что нам заповедано, то и тогда мы должны считать себя неключимыми рабами, которые сделали только то, что должны были сделать. Только *“во Христе Иисусе, Господе нашем”* (ст. 23), только посредством живой веры в Него и деятельного усвоения Его крестных заслуг мы получаем *“дар Божий”* — жизнь вечную. Если мы веруем и исповедуем Иисуса Христа, как нашего Господа, то мы обязаны также оказывать Ему подобающее послушание в том, чтобы быть святыми, ибо Он сказал: *“плод ваш есть святость.”* Кто возрастает и преуспевает в святости и благочестии, тот может, по обетованию Господа, надеяться на получение венца жизни (2 Тим. 4:7-8⁴⁷).

Из этого общего обозрения апостольского чтения проповедник легко может извлечь ту или другую частную тему для церковного собеседования.

Тема I.

“Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на дела беззаконные, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на дела святые” (ст. 19).

Апостол Павел изображает здесь свойства и следствия греха, чтобы показать христианам, в каком гибельном состоянии находились они, бывши некогда язычниками, и как необходимо для них теперь утверждаться в служении добродетели.

Мысль, что незнание греха было бы спасительно, конечно, справедлива. Кто не знает греха, тот избежал бы многих опасностей, угрожающих добродетели.

Но мы живем в мире, наполненном греховными примерами, где надлежащее познание о природе и свойстве греха весьма необходимо и полезно для каждого человека.

Необходимость надлежащего познания о природе и свойстве греха.

Это познание необходимо.

1. Для самопознания.

Без самопознания, т. е. без надлежащего познания наших погрешностей, злых привычек и добрых свойств, невозможно никакое исправление и преуспевание в добродетели. Только тогда, когда мы хорошо знакомы с нашим внутренним состоянием, мы можем знать, какие погрешности исправлять, какие дурные привычки оставлять и т. д.

а) Такое самопознание невозможно без правильного познания природы и свойств греха. При оценке наших намерений, расположений и

⁴⁷ Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его.

действий, легко можно впасть в самообольщение, если мы не знаем, что такое грех, по учению Евангелия, в чем он состоит и в какой степени каждый грех постыден и достоин наказания. Грех есть именно всякое преступление закона Божьего, — в мыслях, словах и делах: — всякая несправедливость, задуманная или уже совершенная нами, даже всякое опущение добра (Иак. 4:17⁴⁸).

б) Только тот, кто испытывает себя по надлежащим представлениям о грехе, достигает истинного самопознания. Он не будет судить о себе по лести неразумных людей, по обману самолюбия и чувственности, потому что он смотрит на себя в зеркале слова Божьего.

2. Для правильного отношения к другим людям.

Как мы сами, так никто и из наших ближних не без недостатков. Хотя они и не делают грубых преступлений, не живут в открытых пороках, однако же они не без греха.

Мы должны любить их, как братьев, быть к ним добрыми и справедливыми, как в наших суждениях об их поступках, так и во всех наших отношениях к ним.

а) Такое правильное отношение к ближним возможно только при надлежащем познании природы и свойств греха, потому что только в таком случае мы можем предохранить себя от несправедливых, пристрастных, бесчеловечных суждений о них; мы не будем считать их виновнее, чем они действительно есть, и оставлять без внимания то, что служит к их извинению и оправданию.

Зная по опыту или наблюдениям постыдные плоды греха и то, что награда греха — смерть, мы будем иметь сострадание к каждому грешнику.

б) При надлежащем познании греха мы будем остерегаться подавать ближним повод к согрешению. Зная, как заманчив грех, мы не только не будем подавать соблазна братьям, но и постараемся предостеречь их от соблазнов, исправить заблудших и направить их на путь истины и долга. Чем более мы убеждены, что грех есть источник великого несчастья человека, тем с большей ревностью и охотой будем предостерегать и прощать тех, которые согрешили против нас.

3. Для бодрствования над самим собой.

Правильное познание природы греха необходимо для бодрствования над самим собой.

а) Посмотрим на беспечных и неосторожных во грехе, каким опасным искушениям подвергаются они и, не замечая того сами, переходят к *“беззаконию на дела беззаконные.”* Они были некогда невинны, свободны от греха. Почему же они так неосмотрительны, не избегают искушений?

Они не знают греха!

б) Знание греха приводит нас к бдительности над собой. Тогда мы остерегаемся от самообольщения, беспечности и уверенности в себе; тщательно осматриваем каждый шаг, ведущий ко греху; не полагаемся слишком на нашу добродетель.

4. Для возбуждения раскаяния и для предохранения от откладывания исправления.

Познание свойств греха необходимо, наконец, и для того, чтобы возбудить в нас раскаяние и предостеречь от слишком позднего исправления.

а) Сколь многие из христиан представляют *“члены ... в рабы нечистоте и беззаконию на дела беззаконные,”* не раскаиваясь в своих грехах и не соболезнуя о своем

⁴⁸ Итак, кто разумет делать добро и не делает, тому грех.

печальном состоянии. Если и пробуждается в них мысль, что они поступают несправедливо, если и возникает иногда совесть против греха, то они успокаивают себя ложной и опасной мечтой: “я еще не так зол, я имею еще достаточно времени для покаяния.” Но делали ли бы они так, если бы имели надлежащее понятие о природе греха и той страшной силе, какую он имеет над человеком?!

б) Истинное познание страшных последствий греха предостерегает от откладывания покаяния и побуждает к постоянной борьбе со грехом. Мы будем тогда подавлять в себе каждое дурное влечение, зная, что “похоть зачавши рождает грех, грех же содеян рождает смерть” и т. д.

Тема II.

“Какой же плод вы имели тогда? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь?” (ст. 21).

Одно из сильнейших чувств в человеческой природе есть чувство чести, присущее каждому не совершенно испорченному человеку. Никто не может быть равнодушен ко мнению других о нем. Поэтому каждый стремится приобрести уважение ближних.

Но совершенно другое чувство возникает в нас, если мы имеем недостатки и грехи. Мы тогда стыдимся самих себя. Это чувство, как бы оно не было горько и болезненно, бывает однако же весьма спасительно, если происходит из чистого источника, продолжается долго и служит побуждением к исправлению.

Стыд о наших грехах.

1. Свойство его.

Стыд о грехах есть чувство недостойности или вины. Он имеет основание в сознании, что мы дурно поступили и нарушили закон Божий, — или в сравнении наших нравственных качеств с законом Божиим, с совершеннейшим образцом добродетели, с примером Иисуса Христа.

а) Бог запечатлел в сердце каждого человека чувство доброго и нравственно прекрасного. Он открыл нам свой закон в уме, совести и Евангелии. С ним должны согласоваться наши намерения и действия; ему мы должны постоянно подчиняться. От этого зависит достоинство и совершенство, к которому каждый обязан стремиться и которого все мы должны достигать, потому что мы должны *“освободившись же от греха, ... стать рабами праведности.”*

б) Но если мы сравним нашу жизнь, расположения и чувства с законом Божьим, с требованиями совести, с примером Иисуса Христа, то должны согласиться, что мы более или менее преступили заповеди Божьи. Такое самопознание не может не возбуждать в нас стыда. Не должны ли мы при таком самоиспытании почувствовать своего недостойности и вины? (Езек. 16:61⁴⁹).

2. Достоинство его.

а) Стыд о грехах не имеет никакого достоинства, если считают его доказательством истинного исправления. Многие люди принимают стыд о своих грехах за признак действительного исправления. Если они после многих грехов приходят вдруг к сознанию своего губительного состояния, чувствуют со

⁴⁹ И ты вспомнишь о путях твоих, и будет стыдно тебе, когда станешь принимать к себе сестер твоих, больших тебя, как и меньших тебя, и когда Я буду давать тебе их в дочерей, но не от твоего союза.

стыдом свое недостойнство и преступность, то в это мгновение возникает в них одна только перемена мыслей и впечатлений, отличных от прежних, — возникает намерение к исправлению, но еще не действительное исправление и улучшение; потому что здесь недостает еще добровольного отречения от греха, искреннего и твердого стремления к добродетели. Как многие люди при этом только и останавливаются!

б) Стыд служит впрочем признаком не совершенно испорченного сердца. Несчастный, который не чувствует никакого стыда о своих преступлениях, который не краснеет, если совесть или люди напоминают ему о его погрешностях, который не считает нужным скрывать свои пороки, но еще хвалится своими злодеяниями, — такой человек утратил уже нравственное чувство. Можно ли ожидать от него исправления и возвращения на путь добродетели?

И если бы он решился исправиться, как будет ему это трудно!

Но кто стыдится срамных слов бесстыдных людей, кто потупляет стыдливый взор, когда указывают ему на его несправедливость, и не имеет духа оправдываться в этом: у того нравственное чувство — живое и крепкое, совесть еще деятельна и бдительна, уважение к истине и добродетели еще не подавлено.

Если он даже и согрешил, можно несомненно надеяться, что он постарается загладить свои погрешности, избегать греха на будущее время и т. д.

3. Отношение к нему.

Как мы должны относиться, если чувствуем стыд о своих грехах?

а) Мы должны испытать, откуда возникает в нас стыд, из страха ли, позора и презрения, или из благородного недовольства самими собой. Очень естественно, если мы при стыде о своих грехах боимся, чтобы они не сделались известными другим, и чтобы нам не потерять чести и доброго имени. Но если стыд возникает только из этого страха, то он — не надлежащего свойства. Он побуждает нас тогда только к тому, чтобы укрывать грехи от глаз мира, а не к тому, чтобы их оставить и исправить.

Как необходимо поэтому испытывать, откуда происходит в нас стыд о грехах: от страха ли лишиться земных выгод, потерять честь и проч., или от угрызания совести, от страха перед Богом и недовольства самими собой? Если наш стыд последнего рода, то:

б) Мы должны поддерживать его в нас довольно продолжительно. Стыд принадлежит, конечно, к самым неприятным и тягостным чувствам. Поэтому как только он возникает, его стараются подавить, а затем извинить и оправдать свои грехи.

Но тогда человек потеряет и, может быть, навсегда важную минуту, прязывающую его к пробуждению и раскаянию.

в) Стыд должен побуждать нас к исправлению. Он напоминает нам о наших грехах и преступлениях, мы сознаем наше недостойнство и вину. Это чувство делает нас недовольными самими собой, жалкими и несчастными. Но нет другого средства избавиться от этого несчастья, как твердая решимость исправления, постоянное бодрствование над самим собой, возвышение сердца к Богу, непреодолимое стремление к добродетели. *“Вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость”* (ст. 22).

Тема III.

“Когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности” (ст. 20).

Рабами греха называет Апостол христиан, пока они, как язычники, служили греху и предавались беззаконию в беззаконие.

Слышится иногда, что человек так устроен, что не в состоянии ни желать, ни делать какого-либо истинного добра; что в нем несравненно более и сильнее наклонность ко злу, чем к добру, и в доказательство этого мнения ссылаются на известные выражения Писания (Филип. 2:13⁵⁰ и др.). Но это мнение не только ложно, но и вредно.

Конечно, есть в человеке некоторая наклонность ко злу, которая однако же не делает его неспособным стремиться к добродетели. Мы должны только иметь надлежащее понятие об этой наклонности.

О наклонности ко злу в человеческой природе.

1. Она велика.

Это мы знаем:

- а) из священного писания (Быт. 8:21;⁵¹ Рим. 7:23;⁵² Гал. 5:17⁵³);
- б) из собственного опыта.

2. Но она не непреодолима.

Она не есть что-либо необходимое в нашей природе, чего нельзя преодолеть, ибо:

- а) человек сам часто создает себе наклонности ко греху;
- б) сердце человеческое вообще расположено к добру;
- в) доброе воспитание уже значительно ослабляет эту наклонность;
- г) вседействующая благодать преодолевает все (Фил. 4:13⁵⁴).

Тема VI.

Духовное рабство и свобода (ст. 18).

1. Их внутренние свойства:

- а) духовное рабство состоит в том, что человек поработается чуждой власти греху, который совершенно противоречит его первоначальному назначению;
- б) духовная свобода, напротив, состоит в том, что человек поступает по закону своей божеской природы — воле Божьей (ст. 19).

2. Их проявление:

- а) дела духовного рабства таковы, что за них нужно стыдиться перед своей собственной совестью, перед другими людьми и перед Богом (ст. 20-21);
- б) напротив, дела духовной свободы — истинно благие и угодные Богу (ст. 22).

3. Их следствия:

- а) духовное рабство оканчивается духовной смертью и вечным осуждением (ст. 21);

⁵⁰ потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению.

⁵¹ И обонял Господь приятное благоухание, и сказал Господь [Бог] в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого — зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал.

⁵² но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих.

⁵³ ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы.

⁵⁴ Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе.

б) духовная свобода, напротив — вечной жизнью (ст. 22-23).

Образцы церковной проповеди.

Слово в Неделю Четвертую по Троице.⁵⁵

“... и в Израиле не нашел Я такой веры” (Мат. 8:10).

Чудное явление! Римский сотник и, следовательно, с детства язычник, удостоен такого высокого одобрения со стороны Господа. “Истинно говорю вам: и в Израиле не нашел я такой веры,” так сказал Господь о Капернаумском сотнике окружающим Его.

Без сомнения, Спаситель не имеет здесь в виду таких людей, каков был богоприимец Симеон и немногие, подобные ему. Но если и большинство Израиля, большинство тех, которым даны были обетования, возведены пророчества, предложены наставления в вере истинной, не имели такой веры, какую имел римский сотник, — не унижение ли это Израилю? Не честь ли сотнику? Не явление ли это необыкновенное и достойное изучения? Так, капернаумский сотник вполне заслуживает того, чтобы рассмотрели мы качества его, для нашего назидания.

Старейшины иудейские, поветствует Святой Евангелист Лука (7:4-5), свидетельствовали о сотнике: “он достоин, чтобы Ты сделал для него это, ибо он любит народ наш и построил нам синагогу.” Судя по такому отзыву, сотник настолько был внимателен к вечным потребностям души своей, что несмотря на положение свое в языческом свете, несмотря на невыгодные отзывы язычников о иудействе, признал достоинство откровенного учения, — признал искренней душой, так что построил на свой счет дом молитвы и изучения закона Моисеева.

Да, холодность к вере, равнодушие к Богу, источнику всего доброго и прекрасного, как бы ни были блистательны дарования ума и сердца, показывают в человеке не человека, а что-то близкое к животному или к духу отверженному. Ибо тогда в человеке нет жизни человеческой, так же, как живой дух человеческий, отличие и украшение человека, не может не любить Бога своего и Его истину. Сообразите после того, что значат христиане, для которых вера лучшая, вера самая чистая и самая высокая, какова вера христианская, — предмет самого холодного внимания, если только не презрения? О земной жизни, о ее удобствах, о ее удовольствиях — заботы днем и ночью; а о религии святой, если говорят, то вовсе не ради нее самой; о церкви Божьей, где должны воспитываться и усовершеншаться все высокие потребности духа, поминают лишь для того, чтобы блеснуть умом, в сущности мелким, и отпустить колкости злости на счет служителей ее. Любовь к Святой Вере называют фанатизмом.

Если хотите, можете услышать и широкие толки о вере: но о какой? О всякой, только не о преданной Божьим откровениям; о всякой, какую кому захочется призвать по расчетам страстей, по произволу ума, состоящего на службе у своеволия. Это называют правом свободы, правом совершенствующегося человечества. О Боже мой! Что скажешь Ты на суде Твоем этим христианам? Кровь Сына Божьего, пролитая за людей, ни во что вменена. Евангелие, возведенное в сопровождении стольких чудес, оказалось не нужным, оно заменено торговыми книгами или произведением ума, опьяневшего от своеволий. Напрасно были посланы апостолы во вселенную; напрасно воспитаны Святым Духом

⁵⁵ Филарета. арх. Черниговского. Слова и беседы, ч. IV стр. 82.

отцы и святители церкви! Братия! Люди заставляют природу духовную считать за одно и то же, что истину и ложь, святость и нечестие, путь жизни и путь погибели — но природа, оскорбленная насилием, грозно отомстит людям за себя в свое время.

Это так верно, как верно то, что мы существуем. Это так верно, как верно то, что есть Бог всемогущий и грозный против нечестия.

Другая черта, указываемая евангелием в Капернаумском сотнике, — это его сердечное сострадание к больному служителю своему. Он просит старейшин иудейских упросить Врача о помощи (Лук. 7:3⁵⁶), поручает передать Господу Иисусу просьбу его: “Слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает” (Мат. 8:6). Какая нежная любовь к слуге звучит в этих словах! Сколько забот о больном рабе!

Братия! Апостол говорит христианам: *“Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного”* (1 Тим. 5:8). Что это значит? Отчего такой строгий приговор немилосердому христианину? Оттого, что отличие христианской веры — любовь. *“По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою”* (Иоан. 13:35), сказал Господь наш. Потому, если христианин не имеет любви заботливой о счастье другого: он не христианин, в нем нет существенного отличия христианина. Поскольку же и лучшие язычники оказывают сострадание к несчастным, то несострадательный христианин — хуже и язычника.

Так христианский начальник, христианский хозяин дома должны заботиться о здоровье и счастье служащих и подчиненных, должны помогать им в их нуждах, сколько могут. Они должны твердо помнить, что подчиненные их — братья им по природе и во Христе и что милосердый Господь соотносит к себе Себе то, что сделано будет для этих невидных людей. *“Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня. Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе? Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне”* (Мат. 25:42-45). О! худо будет душам черствым и холодным, глухим и слепым для скорбей братий своих!

Сострадание к больному слуге заставило искать помощи для него. Но где взять помощь? Он слышал о чудесах галилейского Учителя и вероятно сам был очевидцем некоторых из них. Душа его уже признавала в Нем Чудотворца. Любовь сострадательная, заботливая о больном слуге, расширила веру его в Чудотворца. *“Господи, говорит он Иисусу, слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает.”*

Можно бы принять воззвание: *“Господи,”* за выражение почтительной учтивости, но не в устах благоговейного и верующего сотника. Он считает достаточным сказать о сильной болезни слуги и уже уверен, что без просьбы его благой Господь примет участие в больном и мощный Чудотворец исцелит его. Вера его в Иисуса так была высока, уважение его к Нему так было велико, что по его вере стоит Господу Иисусу сказать слово и слуга его будет здоров. *“Ибо я и подвластный человек, говорит он, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает”* (Мат. 8:9). Твое ли слово не выполнится? Скажешь больному: будь здоров и будет здоров. Сотник признает в Иисусе всемогущего властителя над природой, Того Владыку, Которому все покорно.

⁵⁶ Услышав об Иисусе, он послал к Нему Иудейских старейшин просить Его, чтобы пришел исцелить слугу его.

Христиане! зачем мы жалуемся, что нас тяготят скорби необлегчаемые, несчастья неотвратимые? Если бы молились мы с такой же глубокой искренностью, как молился сотник: не тяготили бы нас скорби. *“И не совершил там многих чудес по неверию их,”* свидетельствует евангелист (Мат. 13:58). Мы столько же малодушны бываем в несчастьи, сколько самонадеянны в счастье: а то и другое оттого, что нет в нас искренней, благоговейной веры в Господа. Гордость наша настолько же труслива бывает в бедах, насколько заносчива в часы покоя — вере святой, надежде, обращенной к Господу, нет в нас места. Слово Господа непреложно; *“если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: “перейди отсюда туда”, и она перейдет... чего ни попросите от Отца во имя Мое, Он даст вам”* (Матф.17:20, Иоан.15:16) Так будем искренне молиться Господу, будем молиться всей душой и — всемогущая благодать подаст все нужное нам для времени и вечности. Будем молиться, как молился сотник. Господи! Тебе все возможно, и если благоугодно мудрой благодати Твоей, — пошли помощь Твою. И помощь будет послана, в том или в другом виде.

Евангелие указывает на еще одно высокое качество в сотнике — глубокое смирение, качество более всего нужное для нас, грешных.

Сотник был лицом почетным по званию своему; а римский сотник в Иудее значил очень много: участь города была в его руках. Капернаумский сотник снискал себе и другое величие, кроме величия власти: за его услуги, за его благодеяния местные иудеи высоко уважали его. И при такой силе власти, при таком общем уважении сотник понимал духовную свою бедность, как очень немногие. Когда Господь Иисус сказал: *“Я приду и исцелю слугу,”* сотник отвечал: *“Господи! я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой.”* Так мало он о себе думал! Так смирение его неземное вошло в спор с благодатью небесной, признавая себя нестоящим посещения ее.

О Боже мой! и я, приступая к великому таинству Твоему, говорю устами: *“недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой.”*

Но это говорят уста, — а сердце? Ох! Оно холодно и немо. Оно не трогается, оно не содрогается от мысли о безграничном величии Твоем и о недоступной святости Твоей. Оно не трепещет от ужаса перед тяжестью грехов и беззаконий моих. “Боже, милостив буди мне грешному!” Друзья мои! когда приступаете вы к Святому Причастию, будите душу свою от бесстрашия; старайтесь восчувствовать гнусность грехов и нечестий своих; трепещите перед величием Того, кто идет под кров души вашей. Кто мы и кто Он? Если бы и не было у нас грехов более, чем волос на головах наших, — кто мы перед Беспредельным? Что у нас своего, кроме грехов? Дарования ли ума? Доблести ли воли? Почетные ли звания? Богатство ли? Здоровье ли? Красота ли? Все, все — не наше. И к тому же за все это должны мы дать отчет Господу; должны отвечать, так ли, на то ли употребили бы данные дары, на что даны они? Как же не безумна в нас каждая гордая мысль? Как же не преступно каждое движение самоуслаждения? У каждого из нас душа его страдает болезнью расслабления, которая выше всех благ мира. Господь хочет войти в дом души его, готов внести жизнь и силы в расстроенный организм. Надобно только, чтобы душа искренне сознала, живо чувствовала свою немощь, сокрушалась о грехах своих. Тогда душе сказано будет: *“как ты веровал, да будет тебе.”*

Усвоим себе качества Капернаумского сотника, удостоившегося одобрения Господом. Усвоим любовь к Святой Вере, любовь к несчастным братьям, Веру живую и смирение Святое. Тогда и каждому из нас скажет Господь в вечности: *“как ты веровал, да будет тебе.”* Аминь.

Образец истинной веры.

В евангельском чтении предшествующей недели нам был преподан глубокий урок, что нельзя служить двум господам — Христу и мамоне, как бы этого хотели те, кто не имеют достаточно решимости всецело отречься от мира. Теперь Святая Православная Церковь показывает, чего ждет и требует от Своих последователей Спаситель Христос. Он требует от них глубокой и искренней веры в свое Божество со всеми Его божественными свойствами, и в доказательство этого Святая Церковь приводит в своем евангельском чтении на воскресной литургии Четвертой Недели по Троице образец истинной веры, удостоившейся божественного удивления и похвалы от самого Христа.⁵⁷

Закончив Свою дивно-божественную нагорную проповедь, вызвавшую всеобщее изумление в народе, который открыто выражал свой восторг и дивился учению Его, ибо Он учил как власть имеющий, а не как “книжники и фарисеи,” божественный Учитель сошел с горы и отправился в прибрежный город Капернаум. Это был, можно сказать, центр общественного служения Христа в Галилее, так что в этом городе находилось более или менее постоянное Его местопребывание и в него именно Он возвращался после всякого кругового проповеднического обхода страны, как в свой город. (Ср. Мат. 9:1⁵⁸ и Мар. 2:1⁵⁹).

Расположенный на северо-западном берегу Галилейского озера, в том пункте, где к нему примыкает знаменитая своим плодородием долина Геннисаретская, и окруженный со всех сторон цветущими городками и селениями, Капернаум представлял собой один из самых бойких городов Галилеи во времена Христа, тем более, что через него шел весьма популярный торговый путь, по которому непрерывно тянулись караваны, направлявшиеся от берегов Средиземного моря и из глубины Палестины к Дамаску и обратно. Благодаря этому счастливому положению, Капернаум, бывший сначала простой деревней⁶⁰ и ни разу не упоминаемый в Ветхом Завете, быстро вырос и разбогател, украсился роскошными домами и дворцами, развалинами которых и доселе усеян берег, и вследствие своей важности был избран римлянами в качестве того пункта, где устроена была таможня для взимания пошлин с провозимых товаров, а вместе с тем и учрежден военный надзор, для которого там расположен был один из римских отрядов. И вот начальник этого отряда, так называемый сотник,⁶¹ и был той личностью, которая удостоилась сделаться предметом возвышенной похвалы Христа в качестве примера и образца истинной веры.

В виду того, что Христос постоянно пребывал в Капернауме, личность Его уже достаточно была известна там, тем более, что Свое пребывание в городе Он постоянно ознаменовывал то возвышенным учением в синагоге, то чудесами. Тут именно несколько раньше состоялось исцеление сына одного царедворца (Иоан. 4:46-54⁶²), а затем и

⁵⁷ Матф. 8:5-13, зач. 25 (сравн. Лук. 7:1-10).

⁵⁸ Тогда Он, войдя в лодку, переправился обратно и прибыл в Свой город.

⁵⁹ Через несколько дней опять пришел Он в Капернаум; и слышно стало, что Он в доме.

⁶⁰ Самое название его означает “деревня Наума.”

⁶¹ Сотник — *centurio* — по первоначальному своему смыслу означал начальника сотни воинов, но впоследствии это понятие расширилось, и сотником вообще назывался начальник небольшого отряда, независимо от его численного состава.

⁶² Итак Иисус опять пришел в Кану Галилейскую, где претворил воду в вино. В Капернауме был некоторый царедворец, у которого сын был болен. Он, услышав, что Иисус пришел из Иудеи в Галилею, пришел к Нему и просил Его придти и исцелить сына его, который был при смерти. Иисус сказал ему: вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес. Царедворец говорит Ему: Господи! приди, пока не умер сын мой. Иисус говорит ему: пойди, сын твой здоров. Он поверил слову, которое сказал ему Иисус, и пошел. На дороге

массовое исцеление множества больных всякого рода. Подобные необычайные дела назаретского Учителя конечно должны были обратить на себя внимание и римского сотника, на обязанности которого было следить за всеми выдающимися движениями и явлениями во вверенном его надзору городе и округе. Так как за Христом постоянно ходили массы народа, часто восторженно приветствовавшего Его в качестве Сына Давидова, то римский сотник мог бы усмотреть в этом зачаток опасного политического движения.

Кроме того, римляне вообще, как известно, да крайности не любили иудеев, так что смотрели на них как на самый суеверный и темный народ, способный лишь на всякие выходки неразумного фанатизма. Их религия, обряды и закон были предметом постоянных издевательств со стороны римских сатириков, и это воззрение разделял даже знаменитый Сенека, который назвал иудеев самым злобным и проклятым народом. Про них ходили у римлян самые чудовищные рассказы, вроде того, что они поклоняются ослиной голове и составляют потомков прокаженного племени, изгнанного некогда из Египта. Неудивительно было бы, если бы и сотник римского отряда, расположенного в Капернауме, смотрел на иудеев такими же глазами. Но он был человек совершенно иного настроения.

Оказавшись по долгу службы в стране иудейского народа, он, присмотревшись к его религии и жизни, убедился, что римские рассказы про этот народ составляют в огромной своей части плод досужего или враждебного вымысла, коренившегося и пышно разросшегося на почве национального религиозного предубеждения, и напротив понял, что если где искренняя и добрая душа может находить себе удовлетворение, то только именно в этой религии, носившей на себе несомненную печать божественной возвышенности и сверхчеловеческого происхождения. Он был, очевидно, одной из тех многочисленных в то время личностей, которые, убедившись в полной несостоятельности язычества, доживавшего свои последние дни, и не имея склонности искать удовлетворения своему тоскующему сердцу в излишествах чувственной жизни, искали себе духовного удовлетворения в возвышенных проявлениях божества в религиях далекого востока.

Близкое соприкосновение с иудеями окончательно убедило его, что если какая из восточных религий заключает в себе истину, то именно только иудейская, и под влиянием этого убеждения он по всей вероятности принял эту религию, т. е. сделался одним из “пришельцев.” Как неопит, он относился к иудейской религии с пылом первой привязанности, не только приносил требуемые законом жертвы, но и даже на собственный счет построил в Капернауме превосходную синагогу, колонны и пилястры которой исследователи предполагают видеть в богатых развалинах теперешнего Телл-Хума, и вообще полюбил иудейский народ. При таком настроении понятно, что благочестивый сотник не был уже представителем того хищного римского орла, который лишь расхищал народное достояние, грабил и разорял, за что и был предметом всеобщей ненависти и проклятия, но был добросовестным хранителем общественного порядка и покровителем города. За такую доброту души он и удостоился величайшей милости от Христа — в виде особого благодеяния ему, а также и великой похвалы от божественного Сердцеведца.

встретили его слуги его и сказали: сын твой здоров. Он спросил у них: в котором часу стало ему легче? Ему сказали: вчера в седьмом часу горячка оставила его. Из этого отец узнал, что это был тот час, в который Иисус сказал ему: сын твой здоров, и уверовал сам и весь дом его. Это второе чудо сотворил Иисус, возвратившись из Иудеи в Галилею.

Ко времени возвращения Христа в Капернаум у этого римского сотника тяжело заболел один любимый слуга или раб. Уже то, отмеченное Святым Евангелистом Лукой обстоятельство, что сотник дорожил этим слугой, обнаруживает в нем доброе сердце, которое не только не огрубело под влиянием обычной военной суровой дисциплины и грубых испытаний боевой жизни, обыкновенно приучающей легко смотреть на значение человеческой жизни вообще, но и победило известное бесчеловечие римского закона по отношению к рабам. В глазах римского закона раб не считался человеческой личностью, а был, так сказать, одушевленным орудием,⁶³ которое держалось до тех пор, пока оно было пригодно для своей цели и бессердечно забрасывалось, когда переставало быть полезным. И масса римских господ отнюдь не стояла выше этого юридического бессердечия, так что история сохранила на своих страницах примеры вопиющего бесчеловечия, показывающего, до какой жестокости может доходить человек, когда он не встречает должного ограничения своему самовластию в отношении к подобным, но подчиненным ему существам.

Даже лучшие мыслители не чужды были такого воззрения, и по Катону, напр., “когда раб становился дряхл или болен, то его следовало продать вместе с старыми волами и старым железом на слом.”⁶⁴ Надо было иметь исключительно доброе сердце, чтобы победить подобное узаконенное бессердечие, и эту победу человеколюбия над жестокостью блистательно одержал римский сотник в Капернауме. Когда заболел у него раб, он окружил его всевозможным попечением, очевидно, принимал все меры к облегчению его страданий и сам страдал за него душой. Но все было напрасно. Страшный недуг, вероятно паралич, в связи с ревматизмом или солнечным ударом, обычным явлением в жарких странах, быстро развивался и больной уже лежал при смерти. Не оставалось никакой надежды на земную помощь, а языческие боги были немы и бессильны, да и сотник, как и большинство римлян его времени, конечно давно уже постиг всю тщету язычества, что и побудило его привязаться к иудейству. И он мог уже неоднократно убедиться как из истории, так и теперь из наличной действительности в том, что если сила Божья действует в мире, то именно в народе иудейском.

Вот и в самом Капернауме уже сколько совершилось великих чудес и исцелений, о каких и понятия не имеет миродержавный Рим, где знатнейшие вельможи и сами гордые, обоготворенные народным раболепством, императоры с целью предохранения себя или исцеления от болезней имели обыкновение окружать себя, по саркастическому выражению Тацита, целыми стадами знахарей, халдеев, математиков, астрологов и вообще тех обманщиков и шарлатанов, которые пожинали богатую жатву на ниве римского суеверия, явившегося как жалкая, но неизбежная замена полного упадка веры в богов. Какое необычайное движение произошло бы в Риме, если бы в нем появился этот великий Учитель, слово Которого имело чудесную силу исцелять как душу, так и тело. Но языческий Рим, как и вообще языческий мир был недостоин такого Учителя, Который поэтому и не выходил за пределы Своей родной страны. Если же недостоин был даже миродержавный Рим, то конечно смеет ли думать какой-нибудь римский сотник о том, чтобы на него мог обратить внимание этот великий Учитель. Конечно Ему стоило только сказать слово, и его любимый раб, находящийся в предсмертной агонии, был бы возвращен к жизни. Но как обратиться к Нему с просьбой об исцелении, когда Он еще

⁶³ Instrumenti genus vocale, по выражению Варрона (De Re Rustica I, 17) или Servus vel animal aliud, по Ульпиану (Dig. VI, I, 15, § 3).

⁶⁴ Cat. De Re Rustica III.

недавно в своей дивно-божественной проповеди на горе прямо говорил: “не заботьтесь!,” ибо только язычники предаются всяким заботам и мольбам, забывая или не ведая, что Отец небесный Сам знает, в чем мы имеем нужду.

И вот благочестивый сотник, колеблясь между сознанием своего недостойнства и непреодолимой, глубокой верой во всемогущество Христа, Который один только и мог исцелить его умирающего в жестоких страданиях раба, не знал, что ему делать. Но вера, как и любовь, изобретательна, и он, не находя возможным для себя по своему недостойнству лично обратиться с просьбой к возвратившемуся в Капернаум божественному Врачу душ и телес, надумал обратиться к посредству местных иудейских старейшин, ходатайство которых, как единоверцев и единоплеменников божественного Учителя, могло иметь, по его разумению, больше значения, чем личная просьба самого сотника-иноземца. Старейшины города не замедлили отозваться на просьбу доброго, всеми уважаемого сотника, так много сделавшего для Капернаума, и потому немедленно составила депутация из наиболее знатных лиц, которая, отправившись к Христу, “убедительно просила Его” помочь больному слуге благочестивого сотника. *“Он достоин, чтобы Ты сделал для него это, ибо он любит народ наш и построил нам синагогу.”*⁶⁵ И Сердцеведец немедленно ответил на эту просьбу: *“Я приду и исцелю его”* (Мат. 8:7).

Время не терпело, и Христос, сопровождаемый депутацией, а также, вероятно, и толпой народа, направился к дому сотника, которому, конечно, наперед было послано известие об ожидающем его посещении. Можно бы подумать, что эта радостная весть приведет сотника в неописанный восторг и он немедленно сделает все приготовления к торжественному приему великого Учителя и, пожалуй, созовет своих друзей и знакомых, чтобы и им показать, вот какой он достойный человек, что не смотря на его языческое происхождение он удостоился посещения со стороны Того, Кого народ признавал если не за самого Мессию, то по крайней мере за великого пророка и предтечу Его! Так бы непременно поступил любой из этих иудейских старейшин, как уже и поступали некоторые, как, напр., известный Симон-фарисей (Лук. 7:36-49⁶⁶).

Но благочестивый сотник был слишком искренен и скромен, чтобы чувствовать хотя малейшее движение гордости в своем смиренном сердце, и потому он, услышав радостную весть, что Сам Христос идет в его дом, послал к Нему навстречу своих друзей, а затем близ дома вышел к Нему и сам лично и смиренно выражал свое недостойнство, чтобы Тот, всемогуществу Которого повиновались и небо и земля, вошел под его грешный, языческий кров. *“Господи!”* говорил он с чувством искреннего и глубокого благоговения к божественному Врачу, выразившему столь скорую готовность помочь ему в его домашнем бедствии: *я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой.*⁶⁷

⁶⁵ Лук. 7:3-5. В этом нункте замечается существенное различие в рассказе о событии у Евангелистов Матфея и Луки. По рассказу первого, сотник сам лично просил Христа о своем слуге, а по рассказу второго за него просили иудейские старейшины. Но это разногласие не есть противоречие, а указывает лишь на то, что евангелисты передают в своем повествовании разные моменты события: Евангелист Лука — начало события, когда действующими лицами были иудейские старейшины, а Евангелист Матфей — конец его, когда и сам сотник, при приближении Христа к его дому, вышел лично на встречу удостоившему его своего посещения божественному Учителю и естественно мог повторить лично ту же самую просьбу, с какой он раньше обращался к Нему через своих иудейских ходатаев.

⁶⁶ Некто из фарисеев просил Его вкусить с ним пищи; и Он, войдя в дом фарисея, возлег... И далее.

⁶⁷ Небезинтересно отметить также черту глубокого смирения римского сотника. Иудейские старейшины говорят о нем Христу, что “он д о с т о и н,” а он сам по своему смирению говорит на раз наоборот: “я не

Не только среди язычников, но даже и среди иудеев господствовало убеждение, что чудесная сила может проявляться только через какое-нибудь материальное посредство, через соприкосновение или прием какого-нибудь осязательного средства; вследствие этого и кровоточивая женщина считала необходимым для получения себе исцеления от Христа прикоснуться хотя к краю Его одежды. Римский сотник стал выше этого грубого, материального взгляда и пришел к возвышенному, поразительному для того времени убеждению, что чудейственная сила может действовать непосредственно, через одно слово. Всякие вещественные посредства нужны только для тех, кто сами, так сказать, находятся под властью вещества, но не для Того, Кто повелевает и вещественным и духовным миром. Ему достаточно сказать слово, и все придет в движение для исполнения сказанного. Мир с его видимыми силами перед лицом божественного всемогущества также беспрекословно послушен, как хорошо дисциплинированное войско в руках своего начальника, хотя бы даже такого далеко не первостепенного, каким был римский сотник. Сам будучи подвластным человеком, но имея в своем подчинении воинов, он свободно распоряжается ими, и достаточно сказать какому-нибудь из воинов одно слово: иди, и он идет, или другому: прийди, и приходит, или слуге: сделай то-то, и делает. Если такое значение имеет слово простого римского сотника в отношении к подчиненным ему воинам, то тем бесконечно большее значение должно иметь слово Того, Кто располагает всем воинством сил как земных, так и небесных.

Такое рассуждение могло выйти из уст лишь человека, в сердце которого таилось глубочайшее убеждение во всемогуществе Христа, и так как оно исходило из уст язычника, то оно вызвало восторг удивления в сердце самого Спасителя мира. Если языческий мир, изнывавший и погибавший в бездне неверия, отчаяния и развращения, еще способен был давать из своей среды столь глубоко и искренне верующих людей, как этот благочестивый римский сотник, то он, очевидно, не погиб еще окончательно; в нем тлеет еще искра божественности, живет еще в его темных недрах зародыш добра, который ждет только наступления того благословенного времени, когда явятся богопосланные виноградари, которые удобряют землю, полиют иссыхающий зародыш, и он не приминет развиваться и разрастется в великое дерево, ветвями которого покроется вся земля. Перед всевидящим взором Христа раскрылась вся величественная картина распространения Его учения, которое должно было пронестись по всей длине земли, от отдаленного востока до отдаленного запада,⁶⁸ и на всем этом громадном пространстве оно найдет живой отклик в многочисленных сердцах, томящихся во тьме неведения и жаждущих услышать слово истины и спасения.

Вот этот римский сотник является первым представителем всех этих алчущих и жаждущих правды в языческом мире, и Христос, почувствовав восторг удивления глубокой вере благочестивого сотника, открыто выразил это удивление⁶⁹ перед всеми присутствующими и, не обращая внимания на человеческие предрассудки и национальные

достойн.”

⁶⁸ В изречении: “многие придут с востока и запада” нельзя не видеть некоторого отголоска древнего географического кругозора, который наибольшую протяженность земли знал именно по направлению от востока к западу, что отчасти сохранилось и доселе в известном географическом выражении — восточная долгота (в противоположность северной широте).

⁶⁹ Замечательно, что в Евангелии передаются только два случая, при которых Христос выражал удивление: Он удивился вере римского сотника (Мат. 8:10) и дивился неверию жителей своего родного Назарета (Мар. 6:6).

предубеждения, произнес смиренному сотнику истинно высокую похвалу. *“Истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры.”*

Израильский народ имел все средства и побуждения для своей веры: он был удостоен особого избрания со стороны Отца небесного, ему дан был закон, посылаемы были в назидание пророки, делались величайшие откровения тайн бытия, вся его история изобиловала чудесами и проявлениями Божьей премудрости, благодати и любви, и несмотря на все это, вера в нем была слаба, затуманена чисто земными соображениями и придатками, так что вожди народа на самого Мессию смотрели скорее с точки зрения земных интересов и выгод, ожидая в его лице великого завоевателя, который покорит все народы земли и отдаст их во власть иудеев. И вот, находится язычник, который в отношении веры стоит неизмеримо выше этого низменного взгляда и своим добрым сердцем проникает в самую тайну Божьего домостроительства. Очевидно, это славный начаток, приносимый от языческого мира к вратам новоосновываемого Царства Божьего на земле, и этому начатку предстоит великая будущность. *“Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов”* (Матф.8:11).

До сих пор иудеи считали Царство Небесное своим исключительным достоянием, принадлежавшим им, так сказать, по праву самого родства — в качестве избраннейших и возлюбленных чад Божьих. Их раввины любили предаваться на этот счет самым фантастическим мечтаниям, обнаруживающим все самодовольство и национальную гордыню этого народа. В своих проповедях в синагогах и школах они самодовольно разглагольствовали о том, как “Бог в будущем мире устроит для иудеев торжественный пир, который только издали увидят язычники и будут сгорать и терзаться от стыда своей отверженности.” Чтобы рассеять это нелепое самомнение национальной исключительности оказалось недостаточным даже проповеди Иоанна Крестителя, который некогда, изобличая эту тщету плотского упования на родство с Авраамом, как на неперемненное условие наследования царства небесного, с пророческой образностью говорил, что Бог может и из камней пустыни создать новых чад Аврааму. И вот теперь действительно Господь создавал этих чад из камней пустыни языческого мира, и первый начаток этого нового творения и стоял перед лицом самого Мессии — Христа в лице римского сотника. Не подвергая смирение благочестивого язычника дальнейшему испытанию, Христос подтвердил его веру чудесным проявлением Своего всемогущества. Не переступая порога его дома, Он сказал ему, как бы повторяя его собственное рассуждение о силе слова: *“иди, и, как ты веровал, да будет тебе. И выздоровел, как прибавляет евангелист, слуга его в тот час.”*

Два важных урока заключаются в евангельском повествовании об обстоятельствах этого чудесного события. Первый из них касается самой сущности и основы духовной жизни человека. Мы ясно видим здесь, что собственно в римском сотнике возбудило восторг удивления со стороны Христа-Спасителя. Сотник отличался редкой гуманностью, нежным сочувствием к страданиям своих ближних, в число которых он вводил и презираемых древностью рабов, наконец, необычайным смирением, побуждавшим его уже у самого порога своего дома встречать божественного своего Посетителя заявлениями о своем недостойнстве, хотя даже иудейские старейшины говорили о нем, что он “достойн” посещения и помощи. Писатель нашего времени, кичащийся своим гуманизмом, конечно, прежде всего, обратил бы внимание на эту сторону дела и стал бы

прославлять римского сотника за его редкую гуманность и связанные с ней свойства. Но Христос показал, что не в этом сущность и основа духовной жизни человека. Гуманность, любовь к ближним, смирение — все это лишь плоды духовной жизни, а сущность ее заключается в вере, которая и есть источник всех добродетелей.

Только на почве искренней и глубокой веры могут процветать истинные христианские добродетели, и напрасны все усилия философствующих моралистов нашего времени доказать, что человек может быть нравственно совершенным и добродетельным и помимо веры. Все добродетели невера — лишь обманчивый пустоцвет на бесплодном дереве, и рано или поздно они обнаруживают свою призрачность, как это неоднократно уже и доказывалось историей и постоянно доказывает окружающая жизнь.

Только истинная и глубокая вера, постоянно имеющая перед своим сознанием недремлющий Божий Промысел, премудро устранивающий все отношения в жизни и по достоинству оценивающий не только все дела, но даже и все движения человеческого сердца, и способна оплодотворять в душе человека лежащие в ней семена добра и правды, которые, напротив, под влиянием холодного неверия гложут и засыхают, или дают только обманчивый пустоцвет и вялый, бесвкусный плод.

Вера есть именно тот светоч, который приводит человека к вратам Царства Божьего, за пределами которого тьма, плач и скрежет зубов. Она же и открывает перед нами эти врата, именно врата Церкви, в которую мы входим через крещение. Но вместе с тем связывается и другой, не менее важный урок. Войдя в Царство Божье или в недра Святой Церкви, мы не должны держаться того чисто иудейского воззрения, что этим уже сделано все, мы навсегда очищены от грехов и нам обеспечено лоно Авраамово в загробном мире. Нет, если мы не будем поддерживать в себе светильника веры и не будем оправдывать предоставленной нам через искупительные заслуги Христа Спасителя высокой чести быть сынами Царства Его, то и над нами сбудется пророчество Господа нашего Иисуса Христа, что *“многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном,”* а мы *“сыны Царства”* — извержены будем во тьму кромешную, где будет плач и скрежет зубов, безнадежное отчаяние и заслуженное терзание при сознании того, что нам дано было так много духовных преимуществ и даров благодати, и мы не только не воспользовались ими, но даже оказались недостойными их.

Библиографический указатель слов, бесед и поучений на Четвертую Неделю по Троице.

Филарета, митр. Московского. Сочинения, т. I. Слова и речи М. 1873 г. т. 1, стр. 9.

Филарета, арх. Черниговского. Слова и беседы, часть IV, стр. 82.

Леонтия, митр. Московского. Слова и речи. 1888 т. I.

Димитрия, архиеп. Херсонского. Полное собрание соч. М. 1890 г. т. III, стр. 159, 167.

Николая, еп. Тамбовского и Шацкого. Слова и речи. 1872.

Сергиева, Иоанна прот. Полное собрание соч. т. II 346, 350, 353, 358.

Смирнова, П. прот. Слова и речи. 1887 г. т. II.

Белоцветова, Алексея, прот. Круг поучений на все воскресные и праздничные дни. Владимир. 1880 г. стр. 50.

Шумов, Петр, свящ. Сборник общепонятных поучений на все воскресные и праздничные дни. М. 1888 г. стр. 120.